

А.П. Черных

ИДЕЯ ГЕРАЛЬДИКИ В ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ТРАКТАТАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Истина есть процесс

М.А. Барг

Аннотация: Статья, написанная на основе текстов геральдических трактатов, посвящена феномену исторической геральдики. Авторы Средневековья полагали, что гербы представляют собой визуализацию родового имени. Авторы Нового времени считали гербы знаками героических деяний, совершённых предками благородных родов в прошлом. Так сложилось нобилитетное восприятия геральдики, просуществовавшее до конца XX в. Сегодня мы считаем геральдику европейской по происхождению системой составленных по общим правилам визуальных признаков для распознавания индивидов и сообществ всех уровней, характеризующуюся исторической изменчивостью.

Ключевые слова: геральдика, геральдический трактат, герб, Средневековье, история Средних веков.

Об авторе: Александр Петрович Черных, кандидат исторических наук, руководитель Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН. 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а. tchernik@igh.ras.ru

На первый взгляд название моей статьи, отдающее духом XIX в., призвано обратить ваше внимание к господствующей когнитивной парадигме того времени, предполагающей вслед за Платоном, что у всякой вещи и явления есть некая сущность, смысл, свойственные ей независимо от нас, открытие которого принципиально доступно и способно дать фундаментальные истинные представления об объекте. Но это не так.

Я позволил себе назвать свои размышления в память о моём научном руководителе М.А. Барге, напоминая читателям о его книге «Эпохи и идеи. Становление историзма». Несмотря на то, что геральдике я посвящаю значительную часть времени,

такие обобщения были бы невозможны, если бы М.А. Барг не научил меня в своё время говорить: «Я в этом ничего не понимаю». Если мы стесняемся говорить эту фразу прилюдно, то вскоре мы начнём стесняться говорить её и себе, а далее один шаг до ощущения, что разбираемся во всём. Поскольку чем дольше я занимаюсь исторической геральдикой, тем больше ощущаю своё невежество, то борьба с синдромом всепонимания и является методологической основой той смелости, которая подвигла на написание статьи на такую тему.

В то же время размышления об «идее геральдики» в определённом ключе могут, как кажется, иметь право на публичное существование. Особенно учитывая заявление такого авторитетного знатока как М. Пастуро, который сказал, что «С XIII по XVIII век всё, абсолютно всё было геральдизировано» [22 р. 147]. И ещё: отмеченная давно [17 р. 87] длительность существования феномена геральдики – а это даже в рамках исторической геральдики около 600 лет – заставляет задуматься – а как она может существовать как нечто единое и неизменное? Тем более учитывая огромный ареал распространения? Насколько верен существующий в нашем сознании образ геральдики? Не создаём ли мы себе, по выражению д-ра А. Буллера, «имагинарную действительность»?

Необозримая бездна геральдического материала пока не поддаётся анализу – по причине объёма, неcodифицированности, неструктурированности – и потому я буду опираться не на разного рода изображения гербов, а на письменные источники – тексты геральдических трактатов.

Идея геральдики формулировалась авторами позднего Средневековья и раннего Нового времени в основном как проблема происхождения гербов [6], но я постараюсь найти оценки, даваемые ими геральдике своего времени.

Один из самых ранних, возможно первый, из трактатов о геральдике De Heraudie 1341 – 1345 гг. [11 р. 21-29] не задаётся вопросами ни о гербах вообще, ни об их происхождении, ограничиваясь формальными элементами отдельных изображений.

Хуан Мануэль (1282–1348), кастильский автор приблизительно того же времени, оставил сочинение, 16 титулов которого призваны ответить на вопрос, почему отцу автора был дан тот герб, который носил сам Хуан Мануэль. Однако, воспринимая герб как само собой разумеющуюся данность, и подробно рассказывая о значениях и смысле фигур герба, о побудительных мотивах он говорит предельно просто: «И когда король понял, что пришло время даровать ему герб...» [16 p. 257], то поручил его создание архиепископу Севильи.

Жак де Амрикур (1333 – 1403) из Льежа, интереснейший автор, весьма информированный по ряду своих должностей, в том числе и секретаря Родового суда (*Douze juges des lignages*), в геральдико-генеалогическом трактате о старинной знати Льежа и прилегающих территорий «Зерцале знати Эсбе» (*Miroir des Nobles de Hasbaye*), задаваясь вопросом о гербах вообще, пишет о знамёнах и гербах (*ensengnes d'armes et blazons*) льежских рыцарей и экюйе, которые те носили и носят поныне, и каковые они брали *по собственному произволению* и носили на войне или на турнире, причём разные. И поскольку в четвёртом или пятом поколении они теряли *различение* одних от других в пределах одного линияжа, забывали своё родство и утрачивали возможность помощи, которую могли получить от своих близких, то брали знамёна и гербы, которые передавали своим потомкам («*Et par tant qu'il n'avoient nint bien cognissance li uns cuziens del atre, tantoist qu'il s'elongoient en quar ou en V degreit de proismeteit, si que services et linages faloit tantoist, ilh avisont, ly plus riches et ly plus poissans d'eaz, q'ilh prenderoient fermement ensengnes et blazons, qui perpetuielment demoroiient à leurs successeurs [...]*» [15 p. 4-5].

В середине XIV в. основоположник письменно зафиксированной геральдической рефлексии юрист Бартоло ди Сассоферрато не особенно задавался вопросом происхождения гербов. Они, на его взгляд, происходят или как гербы дарования: «Существуют знаки и гербы частных лиц, как благородных (*nobilium*) так и простых (*popularium*) и среди них находятся такие, кто обладает гербом и знаками по пожалованию императо-

ра, или короля, или другого господина...» [2 с. 312. § 3] или «естественным» образом, что также встречалось в окружавшей Бартоло современной ему действительности: «Некоторые же присваивают себе гербы либо знаки своей властью. Надо рассмотреть, позволительно ли им это. Я полагаю, что позволительно. Ведь как имена придуманы для опознания людей [...], так и эти знаки или гербы изобретены для того же [...]. Но имя любой может взять себе по желанию [...]. Тогда и знаки любой может носить...» [2 с. 312. § 4].

Это имеет смысл запомнить, поскольку вслед за Бартоло его тезис повторили многие и многие авторы. Бадо Аурео в своём «Трактате о гербах» рассуждает о цветах, об изображениях в гербах, о том, похожи они на французские или нет – но даже на миг не предполагает, что когда-то их могло не быть. И лишь в самом конце неожиданно говорит: «Сверх того спрошу, кто может давать гербы? И скажи, что король, государь, король гербов, либо герольд, как говорит Бартоло. И также спрошу, для чего гербы были изобретены? Скажи – для распознавания одного человека от другого». («*Praeterea quaero, quis potest dare arma? Et dic quod rex, princeps, rex armorum, vel haraldus, ut dicit Bartholus. Item quaero, quare arma fuerunt inventa? Dic ad cognoscendum unum hominem ab alio (C. De Ingenuis in l. ad recognoscend.)*» [8 p.142]).

Автор трактата «Сон Садовника», тоже в русле концепции Бартоло, настойчиво отождествляет гербы с именами и пишет: «Есть и другие, кто берут свои гербы по своей собственной власти, каковую вещь они могут делать беспрепятственно, но [надо] чтобы они это делали без ущерба другому, как говорилось; ибо как имена созданы для распознавания людей [...], так подобным же образом люди берут определённые гербы, чтобы быть распознаваемыми. Но каждый может взять то имя, какое ему нравится [...] и, соответственно, таковые гербы, какие ему угодно». («§ 8. *Lez aultres sont qui pregnant leurs armes le leur propre auctorite, laquelle chose ilz puent faire lysiblement, mez que ilz le facent sanz prejudice d'aultruy, come il a este dit; car, ainssi que lez noms sont mis pour recognoistre les gens, conme dit la loy, Codice, De ingenuis manumissis, lege Ad recogno-*

scendum, sambla-blement les gens pregnant certaines armes pour estre recogneus. Mez chascun puet prendre tel nom come il luy plet, conme dit celle loy *Ad recognoscendum*, donques, par consequant, et tellez armes conme il luy plet» [4 с.232]).

Следуя бартолианской традиции, другой известный средневековый юрист Оноре де Бонэ, автор трактата «Древо Битв» (кон. XIV в.), соглашается с практикой свободного усвоения гербов, но отмечает противоречия авторитетных мнений по этому вопросу. Он задаёт всё тот же вопрос, может ли каждый гербы «взять и носить по своему желанию?» («Гл. CXXIV Нам надо рассмотреть другое дело: о гербах, знамёнах и флагах, которые военные и другие благородные люди имеют обычай носить и велеть рисовать на тканях, на покрывалах в комнатах, на поверхности стен, и там, где им будет угодно, а именно: каждый ли может их взять и носить по своему желанию». [4 с. 117]). И отвечает, дословно: «И вы должны знать, что имена людей были изобретены, чтобы знать различия между личностями. И имя каждый может брать по своему желанию; или отец для своего сына, или крёстный отец для своего крестника. Ещё человек может поменять своё имя затем, чтобы иметь более благозвучное, но пусть он не делает этого мошенническим образом. Точно так же и с гербами. Так, гербы существуют по усмотрению человека, и каждый по своему усмотрению может и взять, и иметь их, и рисовать на своём доме и на своём имуществе [...]» [4 с. 118]. Это не случайный пассаж, далее он развивает эту мысль: «гербы изобретены для узнавания людей и для различения, и не будет вовсе [никакого] различия для узнавания среди других людей, но будет полное смешение» и следить за этим следует государю (Гл. CXXVI. О гербах всех благородных, будь они бароны или другие. [4 с. 119]).

Все они говорят о распознавании, употребляя глаголы *agnoscere*, *recognoscere*. Такова позиция XIV в., первого века геральдической рефлексии. Она в целом отражает положение геральдики в обществе в XII – XIV вв., на протяжении почти 300 лет с момента возникновения.

В XV в. в геральдических текстах появляются новые нотки. Знаменитый гербовый король Сицилия и советник Рене Анжуйского (Жан Куртуа) около 1423 г. написал «Геральдику цветов» [9] (как перевёл это название Н. Любимов в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Ф. Рабле, и я не считаю нужным его менять, хотя более точным был бы перевод «Изъяснение цветов»), знаменитую и очень популярную в XV – XVI вв. книгу, неоднократно переиздававшуюся.

С Жана Куртуа берёт начало традиция соотнесения геральдических цветов с качествами, свойствами и добродетелями, планетами; золото соотносится с богатством и благородством, топазом, юностью, солнцем, верой и воскресеньем (имеется в виду день недели). Серебро – это чистота, справедливость, жемчуг, детство, темперамент флегматика, вода, луна, надежда и понедельник, и так далее, в отношении всех прочих геральдических цветов [9 IX–X]. Основанные на такого рода тестах расхожие представления, что всё в геральдике должно иметь какой-то высокий (скрытый) смысл – предположение, не более. Не удержусь от того, чтобы не привести длинное высказывание современного историка М. Пастуро: «Только к концу Средневековья герольды начали придавать фигурам, цветам и делениям иерархические значения и скрытые смыслы, без какой-либо связи с первоначальной геральдикой. Она, в противовес тому, что часто утверждается, относительно проста и всегда понятна, и ошибка геральдистов новых времён возможно в том, что они слишком часто следуют за герольдами по опасному и тщетному пути символики в большей или меньшей степени герметической. Сегодня историк должен отказаться видеть в средневековых гербах лес трудно дешифруемых символов в щитах, которые не являются ни гласными, ни намекающими, геральдические фигуры часто связаны не более чем с предпочтениями вкуса, а не с таинственными построениями» [21 p. 255].

Между тем Жан Куртуа утверждал, что «сами цвета даны нам в таинственном значении и как обучение добродетелям» [9 p.4]. Подобная же попытка поисков аналогий геральдических реалий с драгоценными камнями и добродетелями выражена в Сент-

Олбенском трактате (Книге Джулианы Барнс), английском трактате сер. XV в. Это тот самый случай, о котором писал М.А. Барг. Все эти привязываемые к геральдическим цветам камни, дни недели, планеты – символы вместо реалий, которые М.А. Барг оценивал как тормоз познания – результат безумной жажды соответствий, жажды найти и увидеть эти системные соответствия – и в результате приводившие к созданию мнимой системы мнимых соответствий, лишённой как всякая имитация, силы и смысла – в первую очередь социального смысла, ведущей в тупик [1 с. 165].

Тогда не кажется нелогичной и предпринятая герольдом Сицилия попытка изъяснения цветов с элементами регламентации, которая касается как бы всех: «Красный носит большинство благородных людей и другой народ..., синий носится девицами и охотно деревенскими людьми..., пурпур надлежит носить королям и епископам, и не другим. Чёрный носится людьми всех состояний, такими, как монахи, торговцы, женщины, судейские и священники..., фиолетовый носится торговцами, женщинами, ...серый хорош для торговца, отправляющего в путешествие, моряков, пахарей» [9 р. 110-112].

Однако эти попытки регламентации не столь уж невинны. Уже Аржантёйский трактат начала XV в. говорит, что «преимущество ношения гербов принадлежит благородным» «в знак этого благородства» [7 р. 41-42. Fol. 1r.]. Пока ещё речь идёт только о «преимуществе».

Хуан Родригес де ла Камара (дель Падрон) (кон. XIV – † после 1450) в трактате «Кафедра чести» на собственный вопрос о том, кто может носить гербы, он, споря с nonbrado Doctor Бартоло, отвечает: «знаки и гербы достоинства никто не может носить, за исключением того, кто тем достоинством обладает, и гербы есть знаки благородства, каковое и есть достоинство; следовательно, никто другой, за исключением благородного из определённого рода, не может их носить. То, что гербы есть изображение и знак благородства, показывает их начало – оные [гербы] носили видимыми самые благородные и могущественные из первых королей, бывших вначале в мире». («[...] las se-

ñales e las armas de vna dignidad ninguno pueda traer, salvo aquel solo que la mesma dignidad possea; e las armas son señales de la nobleza, la qual el dize ser dignidad; por consyguiente, ninguno otro, salvo noble de aquel lynaje, las pueda traer. Que las armas sean dyvisa e señal de nobleza, su principio lo muestra; las quales el mas noble e mas poderoso délos primeros reyes, fallado primeramente en el mundo, fue visto traerlas» [10 p.153]).

«...То, что гербы есть изображение и знак благородства, подтверждается и тем предписанием и разумным обычаем, который сохраняется при всех дворах государей, [состоящим в том, что,] желая некоторых сделать благородными, первым делом им давали начало благородства, придавая им достоинства рыцарства тем, что давали им гербы в знак и изображение их [достоинств]». («Pruevase non menos que las armas sean devisa e señal déla nobleza, por la prescripta e razonable costunbre que en todas las cortes délos príncipes se guarda; los quales, entenyendo algunos fazer nobles, primera mente les dan el principyo déla nobleza , dándoles las dygnidades cavallerosas que les dan las armas en señal e devisa dellas». [10 p.154]). «Подобающим будет то, что идалъго, а не другие, должны в своих щитах носить знаки и гербы, чтобы тем самым в подвигах они могли бы быть распознаны». («...fue conveniente cosa que los fydalgos, e non los otros, deudiesen en sus escudos traer señales e armas , por donde en los tales fechos se pudiesen conocer...». [10 p.155]).

В текстах XV в. ещё встречается *cognoscere*, но уже для распознавания не всех вообще, а благородных.

Диего де Валера (1412?–1488?) в трактате «О гербах» или «О поединках» [23 р. 117-119], написанном в 1462 – 1465 гг. тесно связал гербы со скрупулёзно разработанной юридической практикой судебного поединка, в числе прочих ограничений запрещавшей вызывать лицом низкого статуса лицо более высокого. Ссылаясь на воображаемое установление Карла Великого, он пишет, что тот ввёл три различия гербов и семь различий знамён «и повелел, каким лицам и достоинствам каждое из них положено носить», вплоть до строгого наказания того, кто не имеет геральдического облачения «поскольку считается, что он

не желал действовать согласно своему достоинству, как подобает, поскольку пришёл неизвестным». Высказывание характерно и может быть распространено на всех идалго. Гербы по Диего де Валере могут обретаться четырьмя способами: по наследству от предков, дарованные государями, приобретёнными в битве и взятыми самостоятельно. Однако у него есть и детализация в отношении благородных и плебеев – кто где может располагать свой герб [10 p.135].

Наиболее прямо выразился во второй половине XV в. Диего Эрнандес де Мендоса в трактате «*Blasones de las armas de muchos reyes*», сказавший, что «носить гербы в щите есть прерогатива и знак, который происходит от благородной крови». («...traer armas en escudo, que era commo prerogatyva y senal que venía de noble sangre». *Diego Hernández de Mendoza. Blasones de las armas de muchos reyes y grandes señores del mundo y de muchas casas de Castilla* (ff. 17v–18r). Цит. по: [24 p. 900-901]).

Ферран Мехиа, испанский автор трактата «Об истинном благородстве» в конце XV в. (1492 г.) начинает с рассуждения, что «Каждый благородного происхождения или идалго должен знать, каковы гербы его рода. А также короля или королевства, уроженцем или вассалом которого он является» [19 p. 174. XI punto]. Он полагает, что гербы свидетельствуют о корнях славной знати, которая в то же время имеет об оных мало попечения [19 Liv. III. Cap. 1, 148], беспокоится в первую очередь о благородных, но в то же время Ф. Мехиа говорит о трёх видах гербов: плебейских, простых идалго и родовитой знати. Плебейскими пользуются люди тёмного происхождения: это должностные лица, ремесленники неродовитого происхождения. Они «берут их от самих себя» и не знают порядка создания гербов: «велят нарисовать щит какого-нибудь цвета, не беспокоясь, будет ли то цвет или металл, не делая различия между цветами и металлами», налагая металл на металл [19 Liv. III. Cap. 1, 148]. «Башмачник помещает в жёлтый щит серебряную фигуру..., плотник в белый щит жёлтые [фигуры]..., каменщик или певчий в червлёный щит – уровень или линейку, все синие. И также другие», вплоть до

пахарей, которые «помещают в зелёный щит – плуг или ярмо, чёрные или другого цвета». И настаивает, что поэтому, то есть из-за нарушения геральдических правил, «они не являются гербами» [19 Liv. III. Cap. 1, 149]. Мехиа ещё не понимает в чём дело – и объясняет всё нарушением геральдических правил.

Мехиа активно полемизирует с Бартоло, особенно с его «демократическим» утверждением, что каждый может брать гербы по своему произволению, как имена, для распознавания. Ему гораздо больше импонирует бартолианское предпочтение гербов, полученных от государя. И он пишет: «да будет ведомо каждому, что сказанное распознавание будет только в отношении благородных и кабальеро.... А другим это не надлежит», «только идальго и благородные или кабальеро или защитники или люди, возведённые в степень науки, могут носить гербы и инсигнии, и никто другой» [19 Liv. III. Cap. 1, 150].

Но, отвергнув гербы «плебеев», далее ему приходится говорить и о различиях внутри знати: гербы со шлемовыми эмблемами могут носить только идальго в четвёртом поколении, он затрагивает число решёток на шлеме, соотнося это с правом вызова на поединок и прочее [19 Liv. III. Cap. 2, 152]. И наконец, он утверждает, что гербы были созданы «чтобы сделать людей распознанными по признаку благородства с четырьмя главными целями: сделать известным, чтобы стать распознанным кабальеро или защитником, в знак благородства или для представления некоего славного деяния» [19 Liv. III. Cap. 3, 152] и далее следуют упоминания о гербах колен израилевых, о переходе к установлениям Юлия Цезаря, упорядочившего гербы, введшего гербовых должностных лиц – и так далее. Эти черты эрудиции в полной мере проявятся в следующем веке. Одна из целей герба состоит в том, чтобы быть «знаком идалгии и благородства. Каковую инсигнию или знак не могут или не должны носить другие мужи, кто не родовит» [19 Liv. III. Cap. 10, 159].

Ему же принадлежит предположение, что герб – это «знак, по каковому узнаётся муж родовитый или кабальеро в битвах по причине того, что шлемы и доспех (armas) не позволяют распо-

знать кабальеро» [19 Liv. III. Cap. 10, 159]. Вот когда появляется мысль о закрытом шлеме! Это, сегодня смешное, для XV в. – блистательное объяснение происхождения гербов.

Ф. Мехиа пишет, что обычай налагать герб на доспех для распознавания в сражениях и состязаниях бытует в Германии, Франции, Англии и других королевствах. В Арагоне и Каталонии он пришёл в большой упадок по двум причинам: из-за захудания некогда процветавшего рода, и из-за тёмных низких родов, желающих достичь высот древа знатности» [19 Liv. III. Cap. 10, 159].

Эта его проговорка очень важна. Она – отражение начала дискуссии об определении места знати в обществе, её происхождения, природе и механизмов интеграции, её признаках и социальных функциях, в полной мере разгоревшейся в XVI в.

Один из авторов XVI в., Антонио Агустин искренне считал гербы сохранившейся памятью деяний знати, памятью о славных подвигах, сражениях, то есть памятниками национального прошлого, и исследовал их, как исследовал бы археологические древности [3 с. 214-216. §§ 9-16]. При этом говорил о немыслимых для предыдущих веков различиях в металле шлема, повороте шлема, числе решёток на забрале и тому подобном. Геральдике в XVI в. понадобились эти новые дополнительные различия благодаря тому новому облику, который она приобретала. А. Агустин описывает ситуацию Нового времени, когда в результате массового аноблирования и использования гербов «новой знатью» распространились представления и о необходимости различий в их внешнем виде [3 с. 225 §§ 53-54].

Другой известный учёный эрудит, но по сравнению с Агустинем – эрудит второго порядка, Хуана Бенито де Гуардиола (ок. 15 ?–1600) создал «Трактат о благородстве» – ещё одно из многих на эту тему, появившихся и бытовавших в Испании в XVI – XVII вв.

Что такое гербы в изложении Гуардиолы? Гуардиола уверенно говорит, что «гербами называются знаки и девизы (*divisas*) идалго и благородных» («...las insignias y divisas de los hidalgos y nobles se llamen armas.» [14 Fol. 33r.]. В данном случае

divisa – обычное для позднесредневековых и раннего Нового времени текстов обозначение всех визуальных признаков. Повествуя о том, «Как и когда предоставляются знаки и гербы, которые имеют благородные» [14 Fol. 32v.], он напоминал о том, что многие представители знати древности достигли славы своих домов и родов героическими деяниями, и считал, что отсюда происходит то, что совершившие некие подвиги и славные дела в битвах, взяли гербы в знак своих успехов «как блазон (в данном случае – изъятие – А.Ч.) и память для всех своих потомков» » [14 Fol. 32v.]. При этом он пользуется понятием «истинные гербы» (*verdaderas armas y insignias*), «которые имеют благородные, имеющие начало и происхождение от доблести (или добродетели – *virtud*) своих предков» » [14 Fol. 32r.]. «...Истинная знатность – пишет Гуардиола, – достигается по причине славных деяний, в свидетельство и признание которых дарованы гербы и знаки» [14 Fol. 32r.].

Отдав дань гербам пожалования, он возвращается к своей главной мысли об обретении гербов: «Другие гербы и знаки обретают и добывают за славные поступки и героические дела предков, чтобы, сохраняя память, свидетельствовать об этом потомкам» [14 Fol. 32r.].

Вслед за этим кратко освещается упрямо существующая практика: «И следует отметить, что любой, будь он идалго, будь виллан, или какого-либо другого низкого положения, может взять и усвоить себе гербы и знаки» [14 Fol. 38r.]. Этот пассаж появляется под давлением действительности с одной стороны, и авторитета Бартоло – с другой: герб в учёном трактате всё ещё подобен имени.

На первый взгляд это самый уязвимый и противоречивый тезис Х. Гуардиолы, из которого должно воспоследовать признание того, что все могут иметь гербы по своему произволению. Однако, ничего подобного уже не наблюдаем. Гуардиола пишет: «От этого [то есть обретения гербов по имени – А.Ч.] происходит обычай иметь гербы, которые ныне пришли в такое злоупотребление, что ткач или какой-либо другой ремесленник

хочет пользоваться гербом, как самый благородный родовитый кабальеро» [14 Fol. 38r.]. «Я не отрицаю того, – соглашается он, – что сообщество этих ремёсел имеет знак или девиз своей работы и занятий, но мне досадно, что любой сапожник хочет взять себе гербы, не надлежащие его личности или роду, и пользоваться щитом с ними» [14 Fol. 38r.]. В чём же ещё состоят, на взгляд Гуардиолы, злоупотребления? «Отсюда же ясно, что может быть запрещено тем, кто происходят от расы иудеев или мавров брать имена, а также гербы и знаки, которые никогда им не принадлежали» [14 Fol. 38r.]. И свидетельствует, что они берут известные имена – Веласко, Мендоса, Пиментель, желают иметь гербы и знаки, хоронят с надписями, эпитафиями и гербами (*insignias de escudos*) [14 Fol. 39r.].

Что же касается самой геральдики в трактате Х. Гуардиолы, то она в нём – отражение попытки выделить, обозначить знать. И сама геральдика в его понимании служит одним из способов определив знать, отличить её от других. Это полностью согласуется с общей тональностью трактатов XVI в., в которых делается попытка видеть в знати особую часть общества. У геральдики в целом оказалась совершенно неожиданная, несвойственная ей в Средние века роль. В трактате Гуардиолы мы обнаруживаем формирование восприятия геральдики как атрибута и признака привилегированного сословия, которое в Новое время стало господствующим и сменило её средневековое восприятие. Если средневековые гербы были не более чем визуальным выражением имени рода, то с XVI в. начался процесс, суть которого состоит в том, что гербы стали оцениваться как атрибут благородства, как явный социальный маркёр. И наличие геральдического компонента в трактате было призвано в сознании общества закрепить факт обладания гербами только за знатью, связать в сознании общества гербы и знать. Что, собственно, в итоге и удалось. Это понимание утвердилось в Европе повсеместно [17 р. 100].

В 1622 г. Б. Морено де Варгас в «Диалогах о знатности» со всей доступной ему эрудицией многократно повторял уже

известную концепцию: «И также имели их [гербы] знаком благородства и памяти о деяниях, ценности и доблести их предков, по причине которых их стали именовать *Insignia familliaris*» [...], «[...] как знак, память и представление их благородства и деяний их предков [...]» («2. Con estas estatuas, y imagines, no solo aquellos a quienes se concedieron eran ennoblezidos, y honrados mas todos sus descendientes: *p* y assi las tenian por señal de su nobleza, y memoria de las hazañas, valor, y virtud de sus passados, por cuya causa las vinieron a llamar, *Insignia familliaris*: *q* porque cada vna familia tenia estas sus insignias, y imagines particulares: por las quales eran conocidos: y assimismo las llamaron, *Stemmata*, que es nombre Griego, y significa lo mismo que corona: [...]» [20 XVI, 2, 85r; 4, 86r.].

Б. Морено де Варгас настаивает: «Обычай этот, подтверждающий подвиги и героические деяния, очень древний» [20 XVI, 2, 89r]. Он даже говорит о пустых щитах, с которыми благородные шла на войну, дабы заполнить их пространство «памятью» о предстоящем подвиге и в качестве исторического примера, говорит о том, что так поступил Александр Македонский, который, победив Дария, воспользовался печатью и гербом побеждённого. И в Испании род Саласар и другие пользуются знаками, которые они отобрали у врагов [20 XVI, 2, 93v].

Португалец Мануэл Северин де Фариа (1582/1583–1655) в «Заметках о Португалии» ([13] 1 ed.: Lisboa, 1655; 3 ed.: Lisboa, 1791), среди прочих «Рассуждений» одно посвятил знати и её гербам. Его трактат был ещё одним из многих ответов на запрос общества.

Принадлежность к знати у него самое непосредственное выражение находит в гербах и родовых именах (*apellidos*): «Родовые имена есть знаки наследования родов (*descendencia das familias*) и их благородства» и происходят от названий владений и замков, а помимо того от подвигов, совершённых на войне [13 p.86]. Связь знатности с гербами для Северина де Фариа уже очевидна и несомненна. В рамках концепции достойных деяний Северин де Фариа тоже изобретает неких солдат, носивших чи-

стые щиты, чтобы было место, где нарисовать историю их подвигов войне [13 p.86].

В рамках этой концепции начинает развиваться и соответствующее воображаемое гербоведение: ношение той или иной фигуры Северин де Фариа объясняет участием предков в сражении или подобном предприятии, например, «косые кресты, которые многие фидалгу королевства носят гербами, взяты по другому подобному поводу, который имел место при взятии Бежи, которая была отвоёвана христианами накануне дня святого Андрея» войне [13 p.94]. Или, например, «вполне возможно, что раковины, которые носят в Португалии [в гербах знати], происходят от битвы при Орике, потому что эта победа была одержана накануне [дня] святого Иакова (Сантьяго)..., и поскольку король взял себе новые гербы в память об этом деянии, каждый сделал то же самое» войне [13 p.95]. Это далеко от действительного генезиса гербов, но трудно упрекнуть Северина де Фариа за следование этой концепции – представление о том, что гербы отразили историю рода и являются своего рода визуальным коммеморативом, стало всеобщим. Полемизируя с распространяющимися точками зрения М. Северин де Фариа считал, что благородство гербов определяется не геральдическими цветами, а достоинством, с которым их носят, или славой поступка, благодаря которому их обрели войне [13 p.116].

Близко к нему стоит произведение другого португальского автора, правоведа Антониу де Вилаш-Боаш и Санпайю (1629–1701), автора трактата «*Nobiliarchia Portuguesa*» (впервые издан в 1676 г.), который воспринимал связь знати с гербами как сущностную, и пять глав (Гл. XXII–XXVII) своей книги посвятил геральдике, рассказывая о происхождении гербов вообще, о происхождении гербов Португалии, гербах дома Браганса и теоретической геральдике. Он писал: «Героические деяния предков, гербы благородных родов есть наиболее ясная демонстрация знатности. От дедов она проистекает к потомкам» [25 p. 345-346].

Итак, с XVI в. к раннему распознаванию добавляется идея распознавания гербов как знаков родов, чьи предки совершили достойные и героические деяния в прошлом. В идее геральдики появляется сильный коммеморативный оттенок, а вместе с ним и нобилитетный привкус, которого полностью была лишена ранняя геральдика. Появление этих оттенка и привкуса не случайно, а обусловлено складыванием нобилитетного восприятия герба. В окончательном виде в XVII в. идея геральдики стала звучать как «гербы созданы для распознавания благородных», а, следовательно, «только благородные могут иметь гербы». Неважно, что это было, «желаемое, выданное за сущее», но именно в таком виде восприятие геральдики было свойственно XVII–XVIII вв., в таком, кстати, благородном облике она была заимствована Россией при Петре I, и потому у нас никаких проблем с гербами неблагородных нет, как нет и самих гербов неблагородных.

Это значительно отличается от средневековой идеи геральдики.

Новую главу в изучении – но не в понимании – геральдики в конце XVII в. открыл «отец геральдики» Кл.-Фр. Менетрье, отметив в одной из своих работ 18 гипотез происхождения гербов [18 р. 33]. Критикуя различные концепции и конкретных авторов, Менетрие таким образом подводил читателя к главной мысли – попытке дать определение герба: «[...] гербы есть знаки благородства и достоинства, составленные по правилам из определённых фигур и цветов, данные или подтверждённые суверенами для различения лиц и домов...» [18 р. 53].

Маркиз де Авилес в своей «Героической науке» в нач. XVIII в. точно следовал Кл.-Фр. Менетрье. Уже в посвящении он говорит о гербах как о «памяти времён» однозначно просто: «гербы есть знаки благородства и достоинства, представленные в щитах разными фигурами и цветами для различения лиц и семейств» [12 р.1-2], или чуть далее: «Гербы (Armerias) – знаки чести, добродетели, составленные из фиксированных цветов и фигур, предназначенные служить обозначением благородства и различения фамилии и достоинства тех, кто имеют право их но-

силь» [12 р.13-14]. Это важно не как точка зрения на происхождение гербов и соответственно геральдики, а как оценка роли и феномена геральдики в современном ему обществе.

В геральдике Х. де Авилеса – по сравнению с геральдикой XV в. Ф. Мехиа – достойный человек должен знать род, из которого происходит [19 Lib. 2, Punt X-XI], появляется новая категоричность: без разрешения суверена никто не может ни иметь гербы, ни оставить их, ни изменить ни линией, ни точкой, ни фигурой, ни цветом [12 Т. 1. р.14].

И в таком виде идея геральдики дожила до XX в., почти до конца его.

Сегодня мы сформулировали бы идею геральдики как европейскую по происхождению систему составленных по общим правилам визуальных признаков для распознавания индивидов и сообществ всех уровней.

Но геральдика – развивавшаяся система и знала зарождение, не один взлёт, не один расцвет и упадок, и стагнацию – вплоть до достижения ею современного реликтового состояния. Кризисы и периоды упадка геральдики известны. Ещё в начале 1990-х гг. Ф. Менендес Пидаль попытался проследить этапы развития геральдики (а идею геральдики можно сформулировать и так) через собственно геральдические источники – вещи с гербами, гербы на зданиях, надгробиях и тому подобные. Я попытался сделать это, основываясь на текстах, тем более, что если не с самого начала, то с XV в. геральдические трактаты учитывают общеевропейскую, а не сугубо национальную геральдику.

М.А. Барг писал: «Смысл универсума заключён не в изолированных феноменах, а в *связях между ними*, которые непосредственному наблюдению не поддаются» [1 с. 158]. Поскольку в каком-то смысле это мои размышления над страницами книги М.А. Барга с точки зрения геральдики, то отмечу, что по отношению к геральдике это очень верно.

Выражение *heraldica imago mundi est* хочется понять в том смысле, что в ней символически интерпретирована средневеко-

вая картина мира, таящая в себе больше духовного смысла, чем видится. Однако дело обстоит и так, и, увы, не так. Множественностью своих изображений, отвлечённых геральдических фигур и конкретных предметов, зоо- и антропоморфных образов геральдика действительно отразила картину мира и Средневековья, и раннего Нового времени, но не как целостный замысел, а как совокупность бесчисленных случайностей. Она включила и использовала и изображения полные глубокого, подчас не единичного значений, символов, и в то же время изображения предметов, в которых не было и никогда не подразумевалось никакого потаённого прочтения. Все они пребывали в сознании людей того времени – и это единственное, что их объединяет.

С изобразительной точки зрения геральдика – безбрежный океан: по изображениям в гербе можно пытаться говорить о доспехе и костюме, мебели и орудиях труда, но никогда ни в одной области номенклатура не будет полной – всегда это фрагменты, частицы, *exempla*.

Первоначальная идея геральдики состояла в том, чтобы дать всем имена на общепонятном визуальном языке. Но геральдика исторически менялась, и средневековую геральдику сменила геральдика Нового времени – обозначение места в обществе. При этом средневековая сравнительно неплохо изучена, а в Новом времени – намного хуже: на первый взгляд источников больше, но о действительном месте в обществе они говорят скупо, подчас даже лаконичнее средневековых.

Давая ответ на вопрос об идее геральдики, который формулировался как вопрос о происхождении гербов, в своей традиции истолкования Средневековье предложило одну модель геральдики – для распознавания, Новое время – другую – коммеморативную и с изменением принципа распознавания. Таким образом, оказывается, что на вопрос об идее геральдики Средневековье, казалось бы, даёт один ответ, а Новое время (преимущественно раннее Новое время) – другой. При этом оба верны.

В Средние века не существовало ни термина «геральдика», ни представления о ней как о некоем целостном феномене.

Это была общая визуальная культура, из которой никакой отдельной геральдики из неё не вычленилось. Это произошло позже, по мере постепенного осознания явления как такового. Не раньше, чем с момента рефлексии первых трактатов, и ещё более усилилось в XVII в. Появился термин «геральдика». Большинство авторов этого времени единодушны в ощущении прочной связи «гербы – знать». Но эта рефлексия начала оказывать влияние и на действительность. Потому что был заинтересованный адресат – знать. И потому, что эта формализованная часть визуальной культуры оказалась практически востребованной, удобной и экономичной. И это дало второе дыхание гербам, которые получили новое обоснование своего существования. При этом значительная часть визуальной культуры исчезла, часть ушла на второй план. Это оказалось настолько соответствующим человеческой природе, что и когда литературная идентификация стала шире, визуальная сохранялась ещё долго.

Но значит ли всё это, что никакой «идеи геральдики» нет? Нет, главная её идея – историческая изменчивость и высочайшая утилитарность в рамках своего времени. Собственно, второе и обуславливает первое – историческую изменчивость.

И, завершая, я снова воспользуюсь мыслью М.А. Барга, высказанной им в отношении феодальной действительности, но применительно к геральдике. Вместо того чтобы оперировать для различных эпох одним и тем же «идеальным типом» геральдики её следует рассматривать как поразительно пластичную – развивающуюся и изменяющуюся в своих функциональных формах систему [1 с. 206-207]. Поэтому, когда мы говорим о геральдике, мы должны в полном соответствии с этими «заветами» помнить о том, что при анализе культурно-исторических явлений желательно больше историзма и меньше абсолютизации.

Литература

1. *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
2. Трактат Бартоло ди Сассофerratо «О знаках и гербах» (вступ. статья, перевод А.П. Черных) //Средние века /В.И. Рутенбург (отв. ред.). Вып. 52. М., 1989. С. 307–322.

3. *Черных А.П.* Антонио Агустин и его «Диалоги о гербах» [с приложением перевода первого диалога и комментариями] // Европа. Международный альманах /С.В. Кондратьев (отв. ред.). Вып. X. Тюмень, ТюмГУ, 2011. . §§ 9–16. С. 214–216.
4. *Черных А.П.* Геральдика и право в трактате «Songe du Vergier» //Древнее право/*Ius antiquum* /Л.Л. Кофанов (отв. ред.). 1996 № 1. М., 1996. С. 221–238.
5. *Черных А.П.* «Древо Битв» как источник по истории геральдики. Вступ. статья и перевод //Нумизматика на рубеже веков. Нумизматический сборник /А.А. Молчанов (отв. ред.). Часть XV. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 125. М., 2001. С. 108–122.
6. *Черных А.П.* Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени /П.Ю.Уваров (отв.ред.). Вып. 74(3–4). Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука. 2013. С. 124–149.
7. *The Argentaye tract.* Publ. A. Manning. Toronto, 1983.
8. *Bado Aureo Johannis de.* Tractatus de Armis (I) // Medieval Heraldry. Some Fourteenth Century Heraldic Works. Ed. E.J. Jones, Cardiff, 1943.
9. *Le Blason des couleurs en armes, livrees et devises par Sicille.* Publ. par H. Cocheris. Paris, 1860.
10. *Cámara Juan Rodríguez de la.* Cadira de Honor //Juan Rodríguez de la Cámara (ó Del Padrón.). Obras. New York, 1884.
11. *Dean R.J.* An Early Treatise on Heraldry in Anglo-Norman //Romance Studies in Memory of Edward Billings Ham. Hayward (USA.), 1967. P. 21–29.
12. *Avilés J., marqués de.* Ciencia heroyca, reducida a los leyes heráldicas del blazon. T. 1–2. Barcelona, 1725. T. 1.
13. *Faria, Manuel Severim de.* Noticias de Portugal. Lisboa, 1740.
14. *Guardiola J.B.* Tratado de nobleza, y de los títulos y ditados que oy día tienen los varones claros y grandes de Espana [...] compuesto por Iuan Benito Guardiola [...]. Madrid, 1591.
15. *Hemricourt Jacques de.* Le Miroir des nobles de Hesbaye // Jacques de Hemricourt. Œuvres. Publ. par le chevalier C. de Borman avec la collab. de A. Bayot. T. I–III. Bruxelles, 1910–1931. T. I.
16. *Manuel Juan.* Libro de las armas // Escritores en prosa anteriores al siglo XV. (BAE – Biblioteca de Autores Españoles). Madrid, 1952.

17. *Menéndez Pidal de Navascués F.* Desarrollo y crisis del sistema heráldico (siglos XIII–XV) // *Anales de la Real Academia Matritense de heráldica y genealogía*. T. I. Madrid, 1992. P. 87–100.
18. *Menestrier Cl.-Fr.* Origine des armoiries. Paris, 1680.
19. *Mexia F.* Nobiliario vero. 1492 (ed. facsim.: Madrid, 1974).
20. *Moreno de Vargas B.* Discursos de la nobleza de Espana. 1622.
21. *Pastoureau M.* Traité d'Héraldique. 4 ed. Paris, 2003.
22. *Pastoureau M.* L'état et son image emblématique // *Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne*. Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984). Publications de l'École française de Rome, 82. Rome, 1985. P. 145–153.
23. *Valera Diogo de.* Tratado de las Armas. Sevilla, 1482. (*Valera Diogo de.* Tratado de las armas (Tratado de los rieptos e desafios) // *Biblioteca de Autores Españoles*. T. 116. Prosistas castellanos del siglo XV. M. Penna. Madrid, 1959). P. 117–139.
24. *Valverde Ogallar P.B.* Manuscritos y heráldica en el tránsito a la modernidad: el Libro de Armería de Diego Hernández de Mendoza. Madrid, 2001.
25. *Villas Boas e Sampaio A. de.* Nobiliarchia Portugueza. Tratado da Nobreza Hereditaria, e Política, agora novamente correcta, emendada, e accrescentada cõ as Armas das Familias, e Cidades principaes deste Reyno, e outras cousas curiosas. Lisboa, 1754.

Список сокращений

РАН – Российская академия наук

ТюмГУ – Тюменский государственный университет

BAE – Biblioteca de Autores Españoles

USA – United States of America